

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-178-191

«Калмыки ныне с Крымом в твердом миру...». Калмыцко-крымские отношения в конце XVII в.

Владимир Толтаевич Тепкеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-4140-8358. E-mail: [tvt75\[at\]mail.ru](mailto:tvt75[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Тепкеев В. Т., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена одной из малоизвестных, но ярких страниц в истории калмыцко-крымских отношений в конце XVII в. К сожалению, этот период недостаточно изучен, и по этой теме введены в научный оборот не все источники. *Цель статьи* — введение в научный оборот новых архивных сведений о наиболее интересном периоде в истории взаимоотношений Калмыцкого и Крымского ханств, когда между двумя этими кочевыми государствами происходит временное политическое сближение. Источниковой базой послужили *материалы* Российского государственного архива древних актов. В первую очередь это материалы фондов 111 («Донские дела»), 119 («Калмыцкие дела») и 123 («Крымские дела»). *Результаты.* В ходе архивных изысканий удалось обнаружить новые сведения о взаимных посольских контактах между двумя ханствами, которые серьезно корректируют и дополняют прежние исторические знания о калмыцко-крымских отношениях в этот период. *Выводы.* Политическое сближение калмыков с Крымским ханством в 1680–1690-е гг. имело временный характер и в первую очередь было связано с резким ухудшением русско-калмыцких отношений. Крымская дипломатия на калмыцком направлении одержала значительный успех, в полной мере используя для достижения своей цели все существовавшие в тот период противоречия в русско-калмыцких отношениях. Политическое сближение калмыков с Крымским ханством сопровождалось взаимовыгодной торговлей скотом и лошадьми. Но частая смена власти в Крыму не способствовала долгосрочному выстраиванию отношений. Все это усугублялось обострением «ногайского вопроса», когда в 1696 г. ногайцы бежали от калмыков на Кубань, под протекцию крымского хана. Именно с этого времени начинается конфронтация калмыцких владельцев с крымскими властями, которая в конечном итоге привела к вооруженному столкновению.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, XVII век, калмыки, крымские татары, Аюка, калмыцко-крымские отношения

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер государственной регистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Тепкеев В. Т. «Калмыки ныне с Крымом в твердом миру...». Калмыцко-крымские отношения в конце XVII в. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 178–191. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-178-191

‘*Nowadays Kalmyks Maintain Firm Peace with the Crimea ...*’: Kalmyk-Crimean Relations in the Late Seventeenth Century

Vladimir T. Tepkeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-4140-8358. E-mail: tv75[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Tepkeev V. T., 2023

Abstract. *Introduction.* The article deals with a little-known — though noticeable — episode in the history of late seventeenth-century Kalmyk-Crimean relations. The period remains somewhat understudied, and there are still unpublished sources on the topic. *Goals.* The paper aims to introduce some newly discovered archival materials discussing a most interesting period in the history of relations between the Crimean and Kalmyk Khanates characterized by a short-lived close political interaction. *Materials.* The work examines materials stored at the Russian State Archive of Ancient Acts, the former largely contained in collections nos. 111 (‘Don Affairs’), 119 (‘Kalmyk Affairs’), and 123 (‘Crimean Affairs’). *Results.* The conducted insights into archival sources have yielded some new data pertaining to mutual ambassadorial contacts between the two khanates that essentially clarify and extend the existing historical knowledge of the then Kalmyk-Crimean relations. *Conclusions.* The mutual political approach between Kalmyks and the Crimean Khanate in the 1680s–1690s proved short-lived, and had primarily been ignited by a dramatic deterioration in Russian-Kalmyk relations. That was a significant success of the Crimean diplomacy that took every advantage of the then dissensions between Kalmyks and the Tsardom of Russia. The mentioned political consent was paralleled by mutually beneficial horse and cattle trading activities. However, the frequent power shifts in the Crimea never facilitated any long-term interaction, the latter having been aggravated by another worsening in the ‘Nogai question’ when in 1696 Nogai subjects of Kalmyks fled to Kuban requesting the Crimean Khan’s protection. It was then that the confrontation between Kalmyk chieftains and Crimean officials — that finally led to an armed clash — arouse.

Keywords: Kalmyk Khanate, 17th century, Kalmyks, Crimean Tatars, Ayuka, Kalmyk-Crimean relations

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Tepkeev V. T. ‘*Nowadays Kalmyks Maintain Firm Peace with the Crimea ...*’: Kalmyk-Crimean Relations in the Late Seventeenth Century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(2): 178–191. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-178-191

Введение

Развитие калмыцко-крымских отношений, занимавших в XVII в. значительное место во внешней политике России и Турции, определялись во многом тогдашним международным положением обоих кочевых государств и общей

ситуацией в Юго-Восточной Европе. Изучение истории взаимоотношений Калмыцкого и Крымского ханств дает возможность поставить вопрос о степени самостоятельности Крымского ханства под протекторатом Османской империи и, соответственно, Калмыцкого ханства — в составе Российского государства. Определенная степень самостоятельности и автономии давали возможность проведения собственных дипломатических шагов как со стороны Калмыцкого ханства, так и со стороны Крыма. При анализе калмыцко-крымских отношений необходимо учитывать и международную ситуацию в Европе в конце XVII в. Следовательно, все это не могло не найти отражение как в работах, посвященных отдельно истории двух народов, так и в обобщающих трудах исследователей по истории России и русско-турецким отношениям.

Первую оценку характеру калмыцко-крымских отношений мы находим в работах авторов XVIII–XIX вв. Например, в работе В. М. Бакунина описана роль калмыцких ханов в русско-турецких отношениях. Попутно отражаются и взаимоотношения калмыков с кубанскими и крымскими татарами; колебания калмыцкой аристократии между полным подчинением себя русскому царизму и попытками сохранить свою самостоятельность и дружеские отношения с Крымским ханством [Бакунин 1995: 26–27]. М. Г. Новолетов утверждал, что Аюка заключал договоры о войне и мире по своему усмотрению и «мог сдерживать заключенный с Крымом мир и тем послужить во вред России, каковой замысел и был от крымцев, когда они прислали к Аюке послов, что хотят идти на русских и чтобы он не посылал своих войск» [Новолетов 1884: 11]. К. И. Костенков отметил, что калмыцкие ханы «не редко вели переговоры с Крымом против России, принимая к себе даже оттуда послов» [Костенков 1870: 13].

Труд В. Д. Смирнова посвящен в основном внутренней истории Крыма, лишь попутно касаясь внешней политики, в том числе калмыцко-крымских отношений [Смирнов 2005]. Н. Н. Пальмов уделяет большое внимание роли Калмыцкого ханства в системе международных отношений. Отношения же с Крымским ханством объяснялись, прежде всего, как внутренней обстановкой в Калмыцком ханстве, так и содержанием русско-калмыцких отношений в целом [Пальмов 1929:152–210].

Можно также отметить ряд работ, посвященных отдельным проблемам истории Калмыцкого ханства [Батмаев 1993; Колесник 2003; Тепкеев 2018; Цюрюмов 2007; Khodarkovsky 1992]. Несмотря на то, что авторы лишь косвенно затрагивают калмыцко-крымские отношения, им удалось в значительном объеме ввести в научный оборот ранее неизвестные архивные документы. Из последних работ особо стоит отметить коллективный труд московских историков, посвященный русско-турецкой войне 1686–1700 гг., в которой активное участие приняли и калмыки [Гуськов Кочегаров, Шамин 2022].

Материалы и методы

Источниковой базой к настоящей статье послужили материалы Российского государственного архива древних актов. Большую ценность представляют документы фондов 111 («Донские дела»), 119 («Калмыцкие дела») и 123 («Крымские дела»), которые в той или иной мере затрагивают калмыцко-крымские отношения конца XVII в. Большое значение имеют отписки и до-

несения в центральные приказы российских посланников в Крыму, сведения о калмыках крымских послов и гонцов, показания пленных и т. д. Эти документы наглядно показывают сложившуюся в конце XVII в. обстановку на границе с Крымом, стремление местных администраций к сохранению спокойствия на южной границе, проведение мероприятий по отражению набегов кочевников.

Данная тема требует более тщательного и внимательного исследования с привлечением новых архивных данных. История непростых калмыцко-крымских взаимоотношений затрагивала разные политические проблемы, в решении которых в первую очередь принимали участие Российское государство и Османская империя. Достоверность представленных архивных сведений проверялось путем выявления происхождения документа, сравнения и сопоставления его содержания с другими источниками, отражающими похожую информацию.

Посольские контакты

В 1686 г. активизируются контакты калмыков с турецким Азовом и Крымом. Летом из Москвы к Аюке даже был направлен указ о запрете под страхом смертной казни вести всяческие торговые операции с турками и крымцами, продавать им скот и лошадей, возить товары и т. д. Всех занимающихся контрабандой калмыков обязывалось вешать, а их имущество конфисковывать [Дополнения 1872: 308].

В основном информация об этих контактах поступала в Москву через донских казаков, которые имели свою собственную сеть осведомителей как в калмыцких улусах, так и в турецком Азове. Часто донские посланцы для различных переговоров приезжали к Аюке и были невольными свидетелями таких же приездов в улусы крымских или турецких посланцев. Например, в конце 1686 г. с Дона в Москву пришло сообщение о приезде к Аюке крымских посланцев с просьбой отказать России в военной помощи против Крыма [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 5].

Вступление Москвы в антитурецкую коалицию (Священную лигу), в результате заключенного 21 апреля 1686 г. «Вечного мира», открывало военные действия и против вассала Порты — Крымского ханства. Правительство Софьи Алексеевны в отношениях с Турцией принимает новую стратегию, заключающуюся в наступлении крупных вооруженных сил на южном направлении, тогда как до тех пор действия русской армии носили в основном оборонительный характер.

Приезд крымских послов в калмыцкие улусы с предложением невмешательства в предстоящую русско-турецкую войну поставил Аюку в очень сложное положение. В связи с этим он даже созвал съезд калмыцких владельцев: «и с ними о том думал» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 18].

Официальный ответ калмыцкого тайши, изложенный в письме к крымскому хану, состоял в следующем: «Ему, Аюке, учинить того невозможно, потому что он со всеми своими улусными людьми бил челом великим государям в вечное подданство, и на том шертовал, что служит ему со всеми мурзами и улусными людьми верно... и в измене быть не хотят. А где ему великие государи укажут служить и против своего государского недруга на кого идти,

и он головою своею им, великим государям, служить рад. В том бы он, хан, на него не надеялся по тому, если ему прошение ево исполнить. И так учинить и клятву свою нарушить и ему де за то от вышнего бога будет казнь, а улусным ево людем не токмо где кочевать, и воды почерпнуть будет негде» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 18–19].

В устной форме Аюка еще раз констатировал перед крымскими послами: «Как де мне великим государям московским на помочь не пойти, мне де и воды из Волги не пить» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 5].

Царские власти моментально отреагировали на полученную информацию о приезде к калмыкам крымских послов. К Аюке срочно были отправлены стольник Кузьма Козлов и Юрий Приклонский с письменным требованием — незамедлительно передать властям крымского посла с письмом от хана. Однако тайша уже отправил ответное посольство в Крым с официальным отказом в помощи крымцам. Царским посланникам только удалось проведать, что к Аюке из Крыма были присланы большие подарки, а в Азов калмыки постоянно гоняют на продажу скот и лошадей [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 152–154].

Действительно, в декабре 1686 г. из Царицына поступило сообщение на основе полученной информации от донских казаков, что в Азов прибыло крупное калмыцкое представительство из 100 человек. Часть из них отправилась далее в Турцию, другая — в Крым [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 1].

По всей видимости, именно об этом посольстве от «калмыцкого короля» упоминает в своем сочинении турецкий историк Фундуклулу [Смирнов 2005: 438], когда оно прибыло в Крым с предложением дружбы и услуг. Крымский хан Селим-Гирей, получив приглашение в Порту, взял с собой калмыцких послов в Адрианополь: «Посмотрите, — говорит, — какой падишах еще есть больше меня; и чей я слуга, кому службу правлю» [Смирнов 2005: 438].

Зимой 1686–1687 гг. донцами отмечались неоднократные приезды («многие беспрестанно») в турецкую крепость калмыцких торговцев скотом и лошадьми [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 1–2]. Казаки на этот счет даже пришли к определенному выводу: если «их, азовцев, харчом не прокормили они, калмыки, и в Азове бы все померли з голоду» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 1–2].

Ограничительная политика правительства по отношению к Калмыцкому ханству, взаимные отгоны скота и лошадей с донскими казаками и невыполнение ряда условий прежних договоров привели к сближению калмыцких тайшей с крымским ханом. Об этом говорит хотя бы и тот факт, что Аюка не принял участие в составе русской армии в Крымских походах В. В. Голицына в 1687 и 1689 гг.

В 1688 г. донские атаманы неоднократно предупреждали центральные власти о подозрительных действиях калмыцкого тайши, от которого, как они считали, «добра ждать нечего», так как «беспрестанно с турецким и с крымским списываетца и послов своих посылает» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 3, 16]. Калмыки, по их мнению, постоянно приезжали в Азов для торга с местными жителями, и казаки не раз в степи перехватывали таких торговых представителей, перегонявших скот из улусов для продажи скота в крымские

и турецкие владения, причем Аюка лично разрешил казакам ловить этих торговцев, ездивших из улусов для продажи скота в Крым и Азов, так как «заказу де такова от него, чтоб заказать людям своим накрепко, нет» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 3, 16]. При этом донские посланцы в Москве сообщали, что на все уговоры крымцев и азовцев о военном союзе Аюка отвечал им примерно следующее: «что де ему не быть в подданстве у великих государей и ратных своих людей не давать — невозможно, а хотя де он в помощь ратных своих людей и пошлет, он де пошлет испустя время и битися с ними не велит; только б была та слава, что они по государеву указу не ослушны и на службу всегда готовы» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 15–16].

Все эти сведения не могли остаться без внимания в Москве. Когда в феврале 1688 г. в столицу прибыл посланник Аюки, Бекей, то он доставил письма, в которых Аюка привел свои доводы. Например, на упреки о продаже в Крым калмыцких лошадей, которую в основном осуществляли подвластные ему ногайцы, он сообщил, что эти делом занимаются в том числе астраханские и терские ногайцы, которых власти никак не ограничивают. Ложью он также назвал информацию об отправке им военной помощи Крыму [Тепкеев 2018: 106].

Весной 1688 г. положение на русско-турецкой границе оставалась напряженным. Ситуацию усугубляла информация турка-перебежчика из Азова, что Аюка заключил с Турцией и Крымом военный союз, чтобы совместными усилиями разгромить донских казаков, вытеснить их с Дона и далее двигаться на русские города. По сведениям перебежчика, только престарелый ногайский мирза Салташа-Мурат предостерегал Аюку от такого шага и уговаривал его жить в мире с казаками: «а как де козаков не возьмете и не разорите, и тебе де Аюка из Волги воды не пить» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 9. Л. 1–2]. Старый ногайский мирза также якобы отговаривал Аюку от перспективы кочевать в степях Северного Причерноморья, так как «в Крыму де им за великим утешением не ужитца», да и места там были весьма не безопасны, «только своих людей разоришь» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 9. Л. 1–2, 6–7].

Донские казаки были встревожены такими сведениями, и не придавать им серьезного значения они не могли, поскольку основания этому были. Казаки часто сами были свидетелями нередких приездов калмыков в Азов, особенно небольших воинских отрядов по 100–300 человек, которые совместно с азовцами ходили «в набег под донские городки для захвата языков» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 9. Л. 2, 7].

Были сведения и о присылке к калмыцкому предводителю подарка от турецкого султана — «намет (шатер. — В. Т.) большой турецкой», оцениваемый в 3 тыс. золотых червонных. Крымский хан также не оставался в стороне и присылал от себя различные подарки, связанные с вооружением: панцири, наручи, ружья и луки [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 13. Л. 1–2, 17–18]. Позже захваченный казаками в плен турок Махмуд сообщал, что весной Аюка отправил на помощь в Крым 1 тыс. воинских людей, а также на продажу лошадей и скот [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 13. Л. 21].

В Москве со всей серьезностью отнеслись к полученной с Дона информации, и к Аюке были отправлены грамоты, запрещающие ему отпускать своих улусных людей в Крым или Азов. Поощрялось только совместное с донскими

казаками участие в военных походах на земли неприятеля. Но Аюка отрицал какие-либо свои официальные контакты с Крымом, ссылаясь на самовольство отдельных калмыков [Тепкеев 2018: 108].

Официальный отказ Аюки в своей причастности к этим контактам дал возможность донским казакам перейти к более решительным действиям, заключавшимся в устройстве в степи засад для перехвата посольских и торговых людей. Так, в апреле 1688 г. ватага из 40 казаков разбила крымское посольство, возвращавшееся из калмыцких улусов, куда ездило «для договора о мире». В результате 20 крымцев было убито, а самому послу с десятком человек удалось скрыться. Другой отряд из 500 казаков под командой атамана Василия Волошенина на реке Егорлык также устроил засаду. Им удалось подстеречь и разбить крымских людей, которые перегоняли из калмыцких улусов купленных там 200 лошадей и 2 тыс. овец [Дополнения 1872: 192, 194].

По всей видимости, какие-то соглашения все-таки были достигнуты, так как казаки отмечали об отправке в августе Аюкой к Азову отряда из 300 калмыков, где Муртаза-паши собрал 8 тыс. крымцев, ногаев и черкесов для нападения на Черкасск и другие русские города [Дополнения 1872: 227].

Осенью 1688 г. контакты калмыков с Крымом и Азовом вновь отмечаются в документах. Так, в октябре войсковой атаман Ф. М. Минаев информировал центр о приезде к Аюке очередного крымского посольства с просьбой о военной помощи. Как отмечал донской посланец, побывавший в улусах, «подарки и казну» от крымского хана Аюка принял, но дал ли помощь, для него осталось неизвестным [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 20. Л. 188].

«Калмыки ныне с Крымом в твердом миру...»

В проекте русско-крымского мирного договора 1691 г. один из пунктов был посвящен калмыкам. Так, в пункте № 7 сообщалось: «Калмыцкой Аюкай тайша с улусными своими людьми — подданные царского величества и кочуют около реки Волги. А [крымскому] хану до них дела нет и никогда об них между царским величеством и ханами крымскими вспоминовения не бывало. И для того ныне ни в какие договоры вписывать их и вспоминать об них не годитца» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1691 г. Д. 3. Л. 157]. Проект договора был составлен русской стороной, и крымский хан Сафа-Гирей, хотя и не был согласен с некоторыми его положениями, но с седьмым пунктом согласился [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1691 г. Д. 3. Л. 166]. Правда, надо отметить, что этот хан был у власти всего лишь короткий период, и его позиция по этому вопросу не разделялась следующим крымским ханом — Селим-Гиреем I.

В Крыму были весьма обеспокоены возможным военным приходом калмыков, поскольку из Азова поступила информация о приезде на Дон калмыцких посланцев с предложением заключить мирный договор. Вместе с тем Аюка не спешил разрывать полностью отношения с крымским ханом, так как весной 1691 г. отправил в Крым на продажу 40 тыс. лошадей, а также воинских людей, приказав им «идти с ханом на службу, куда он пойдет» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 5. Л. 15–16].

По другим данным, в апреле 1692 г. калмыки пригнали на продажу к Перекопу 30 тыс. лошадей [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 86]. Также при-

были двое калмыцких посланцев, один из которых отвечал за конский табун, другой выполнял определенные политические задачи. Например, он должен был заручиться военной поддержкой крымского хана в предполагаемой войне калмыков с донскими казаками. Однако хан отказался отправлять отдельное крымское войско к калмыкам, но пообещал Аюке отправить некоего бия с Черкессии со вспомогательным отрядом [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 86]. Калмыцкий правитель пытался убедить крымскую сторону, что он находится в состоянии войны практически со всем Московским государством, особенно с донскими, яицкими и гребенскими казаками, которые неоднократно совершали нападения на калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1695 г. Д. 1. Л. 22].

В это время крымское войско направлялось в Венгрию, и один из калмыцких посланников с конским табуном к нему присоединился [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 86]. По данным российского представителя в Крыму Василия Айтемирова, табун был пригнан не только калмыками, но и кумыками, а Аюка прислал к крымскому хану особый подарок — 20 лошадей-иноходцев. Около трех тысяч калмыков и кумыков также присоединились к венгерскому походу крымского войска [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1695 г. Д. 1. Л. 21]. По наблюдениям В. Айтемирова, калмыки гонят конские табуны в Крым «по траве», чтобы лошади могли содержаться на подножном корму. По дороге они зимовали в Черкессии, а с наступлением весны перегонялись непосредственно к крымскому полуострову [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1695 г. Д. 1. Л. 31].

За 1692 г. есть несколько документальных свидетельств русских посланников и донских казаков — непосредственных очевидцев приезда в калмыцкие улусы крымских торговцев, намеревавшихся приобрести у калмыков лошадей. Аюка охотно поддерживал с крымскими татарами торговые отношения, которые приносили ему и его подвластному народу значительную прибыль [Теплеев 2018: 130, 131].

Это подтверждал и украинский гетман И. С. Мазепа, который в апреле 1693 г. докладывал в Москву о неоднократных приездах в конце 1692 г. и начале 1693 г. калмыцких послов в Крым. По наблюдениям гетмана, раньше «у крымского юрта никогда согласия с калмыками не бывало» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 1–2].

Пленные крымские татары в Москве утверждали: «калмыки ныне с Крымом в твердом мире», который был скреплен своего рода династическим браком. Известно, что один из сыновей нового крымского хана Селим-Гирея I (1692–1699 гг.) взял в жены некую «свойственницу» Аюки, который также прислал в помощь несколько сот калмыков и несколько тысяч лошадей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 1–2].

В июне 1693 г. гетман И. С. Мазепа прислал в Москву трех пленных калмыков, захваченных в урочище Качкары. По их сведениям, Аюка весной отправил послом в Крым одного знатного калмыка из улуса дербетского Солом-Церена с письмом, где выражалась просьба продать крымцам лошадей и на вырученные деньги купить какой-либо товар. Всего с калмыцким послом прибыло в Крым тысяча калмыков и 400 ногайцев, пригнавших на продажу 8 тыс. лошадей. Как отмечали калмыцкие пленники, такая торговля приноси-

ла калмыкам значительную прибыль: «в той своей продаже никакова убытку от татар не имеют, а имеют от них всякое довольство и бережение» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 3–4]. Они также опровергли слух, распространенный запорожцами, будто в Крыму находится 40 тыс. калмыков. Гетман Мазепа, встревоженный активизацией калмыцко-крымских переговоров, просил московские власти отправить к Аюке грамоту, чтобы тот немедленно разорвал свои отношения с крымскими татарами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 5–6].

О серьезности калмыцко-крымских отношений на тот момент подтвердило и письмо хана Селим-Гирея I, присланное к запорожским казакам с требованием немедленно вернуть ранее захваченных в плен трех калмыков и 300 калмыцких лошадей. Свои дружеские отношения с калмыками он мотивировал тем, что они всегда были «древними приятелями и друзьями» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 7].

В случае невыполнения его требований крымский хан угрожал направить калмыков в набег на украинские города, которые ее жителям «великие убытки учинят, к чему де они, калмыки, великую имеют охоту» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 7].

По сообщению гетмана, крымские татары были весьма довольны заключенным союзом с калмыками, и «ставят себе крымцы то в великую похвалу» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 7].

Сообщения с Украины о калмыцко-крымском соглашении были не безосновательны. Летом 1693 г. к Волге подходил азовский Кубек-ага во главе 3-тысячного войска [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 14–15]. По сообщению донских казаков, с Кубек-агою находились «тайно» и калмыки Аюки. Еще в мае у них была информация, что в Азов от Аюки прибыли 150 калмыков во главе с Баихином-Танжой и, взяв 10 азовцев, ходили в набег под южные государевы города Ольшанск, Усердец. В результате они отогнали 700 лошадей и взяли в плен 15 человек. В Азове постоянно находились калмыки, и небольшими партиями они ходили в набег на южные окраины государства.

На основании этой информации казаки делали вывод, что «велики государем от него, Аюки, службы и радения никакова нет, только кроме измены» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 17–19]. В качестве наказания они предлагали правительству хотя бы на год перекрыть доступ Аюке к Волге, и «он бы, Аюка, повинность свою и смирение им, великим государем, явил» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 17–19]. Из сообщения донцов также становится известно, что к крымскому хану от Аюки ездил некий Уту-Церен во главе 900 калмыков и ногайцев, пригнавших в Крым 5 тыс. лошадей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 1. Л. 17–19].

Из русских документов становится известно, что Аюка в это время оказывал большое политическое влияние практически на весь северокавказский регион. Так, осенью 1693 г. к нему прибыл кабардинский князь Казей, который незадолго до этого потерпел поражение в борьбе за власть в Кабарде от своих братьев — Атагуша и Денгизея. В то время, когда Казей вел переговоры с Аюкой, его братья направились к крымскому хану Селим-Гирею и, заручившись его военной поддержкой, захватили владение Казея. После этого отправил в

Кабарду калмыцкое войско во главе с сыном Чакдорджабом, но по дороге их встретил крымский посол и отговорил их от продолжения похода, предложив решить конфликтную ситуацию мирным путем. В итоге калмыцкая сторона согласилась, и войска возвратились в улусы. Аюка решил отправить своего посла в Крым, чтобы там разрешить спор между кабардинскими князьями и примирить их [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 2. Л. 24].

Донские казаки внимательно отслеживали ситуацию в Причерноморье и неоднократно докладывали в Москву о многочисленных контактах калмыков Аюки с Крымом и Азовом. В этот период калмыцко-донские отношения более или менее стабилизировались, и казаки, в целом не выступая против торговли калмыков с крымскими татарами, требовали от Аюки только, чтобы он ставил их в известность о своих торговых миссиях на территорию Османской империи. Со своей стороны Аюка вроде бы и соглашался на такие условия, даже шертовал перед донскими представителями, но калмыцкие и ногайские торговцы часто игнорировали это требование. В свою очередь казаки стали совершать в степи засады и нападения на калмыцкие торговые караваны, направлявшиеся или возвращавшиеся после поездки в Крым и Азов. Калмыцкий тайша в ответ стал им угрожать, что объединится против них с турками и татарами, от которых постоянно получает предложение мира и многочисленные подарки [Тепкеев 2018: 136].

В 1694 г. правительство Петра Алексеевича приняло решение возобновить военные действия против Османской империи, а объектом нападения стала крепость Азов. Угроза Аюки об объединении с турками и татарами получила реальное подтверждение, когда бежавшие из турецкого плена русские люди сообщили о неоднократных приездах в Азов калмыцких посланников с вестью о начале движения московского войска и нахождения его в Саратове. Азовский бий в благодарность за информацию отправил к Аюке богатые подарки, а также обратился к нему за военной помощью [Тепкеев 2018: 140, 141].

Согласно данным крымского автора Саида Ризы, в начале 1695 г. к Аюке прибыло крымское посольство во главе с Мердан Али-ага, одного из приближенных крымского хана Селим-Гирей I [Khodarkovsky 1992: 128]. Именно он и привез из калмыцких улусов сведения о начале движения русской армии к Азову. Согласно этим данным, М. Ходарковский приходит к выводу, что информация от калмыцкого правителя помогла азовскому гарнизону вовремя подготовиться, а крымскому хану отправить к нему подкрепление. Все эти меры и стали причиной неудачи русской армии в первой азовской кампании [Khodarkovsky 1992: 128].

Крымский хан Селим-Гирей I весной 1695 г. писал московским царям, что он находится с Аюкой «в дружбе и братстве». Более того, он предлагал московским властям заключить трехстороннее мирное соглашение: «и меж наших трех государств договорясь укрепитца о мире» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1695 г. Д. 1. Л. 3]. Практически крымская сторона предлагала Москве рассматривать калмыцкого правителя как независимого субъекта международных отношений.

Российский представитель в Крыму Василий Айтемиров в мае 1695 г. докладывал, что Аюка с крымскими ханами «непрестанные имеет пересылки» и

каждый год отправляет на продажу им конские табуны. По его данным, крымские татары Аюку называют «ханом» и «всякие ведомости с московской стороны в Крым от него, Аюки, чинятца» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1695 г. Д. 1. Л. 21].

Различные источники того времени отчетливо свидетельствуют об отсутствии калмыцкого войска под Азовом в составе русской армии. Но Аюка также отстранился от военной помощи и турецкой стороне, за которой, как известно, обращалась к нему крымская сторона. Плененные под Азовом ногайцы сообщали, что перед началом военных действий Аюка сообщал азовскому гарнизону о своем нейтралитете. Практически он занял выжидательную позицию, чтобы убедиться в военном преимуществе какой-либо из сторон [Тепкеев 2018: 141].

Поворот в отношениях

Однако в 1696 г. отмечается ухудшение калмыцко-крымских отношений, и связано это было с бегством части ногайских улусов из-под власти калмыков на Кубань. По сведениям В. М. Бакунина, именно в этом году большие ногаи под предводительством своих мирз, Джакшата и Аташа, ушли от Волги на Кубань под протекцию крымского хана, захватив также часть едисан и джембойлуков [Бакунин 1995: 27].

Согласно крымским источникам, уход 10 тыс. ногаев произошел примерно в апреле 1696 г. [Khodarkovsky 1992: 129–131]. По мнению М. Ходарковского, это было не случайностью, а тщательно подготовленной акцией, в результате чего прекратились посольские отношения калмыков с Крымом [Khodarkovsky 1992: 129–131].

Осенью 1696 г. отмечаются передвижения калмыцких отрядов под командованием Чакдорджаба на правом берегу Кубани против крымско-кубанских войск, возглавляемых сыном крымского хана Селим-Гирея I. На требование Чакдорджаба выдать ему бежавших ногайцев калга ответил отказом, сославшись на шерть, которую дал его отец: «как кто от Аюки, так же и от хана к Аюке збежит, с обеих сторон никого не спрашивать» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 7. Л. 3–4, 30].

Крымцы были в курсе, что Аюка помирился с московскими властями и «хочет их воевать заодно». По приказу калги против калмыков была мобилизована практически вся Кубанская орда, готовая к прямому военному столкновению, и в тоже время, рассчитывая на мирное урегулирование, он дал указ «изготовить подарки сыну Аюкину» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 7. Л. 3–4, 30].

Из письма Аюки известно, что крымский калга с 3-тысячным войском пришел в Кабарду раньше калмыков, поэтому Аюка поспешил с подкреплением к сыну к Куме, а в Астрахань отправил Унитея-бакши с сообщением, что готовится к войне с крымцами. Калмыцкий правитель рассчитывал, что калга не решится на открытое боевое столкновение с калмыками и отойдет в Крым, и в этом случае Кубань и Кабарда, по мнению Аюки, могли стать «под государеву руку» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 6. Л. 29–32].

В 1696 г. отмечается бегство от калмыков на Кубань примерно 10 тыс. киби-ток едисанских ногайцев во главе с мирзой Тоганом (Казтувган Сууниш-улы).

Обеспечить переход ногайцев вызвался крымский калга, который в это время находился в Кабарде. Он направился навстречу бежавшим едисанам во главе 8-тысячного войска, отправив передовой отряд к Волге под командой Кубек-аги. Откочевка происходила в спешке, но на реке Кума калмыцкое войско во главе с Чакдорджабом настигло ногайских беглецов, что привело к вооруженному столкновению. Калга с отрядом из 500 человек бросил ногайцев и вернулся в Кабарду, а оборону ногайских улусов возглавил Кубек-ага и Тоган. Несмотря на большое количество жертв, ни одной из сторон конфликта не удалось одержать верх, но ногайцам пришлось бросить весь скот и имущество и налегке бежать на Кубань. Калмыки не стали их преследовать, но этот конфликт стал причиной резкого ухудшения калмыцко-крымских отношений [Тепкеев 2018: 146–147].

Взятие русскими Азова в 1696 г. резко изменило политическую ситуацию в Причерноморье, и калмыцкая сторона во главе с Аюкой начала пересматривать свою политику в отношении Крымского ханства. Все это происходило на фоне обострившегося «ногайского вопроса», усиления военного присутствия русской армии в районе Азова, строительства новых крепостей и усиления русско-калмыцких отношений. Настроения на Северном Кавказе и Крымском полуострове сводились к тому, что военно-политический союз калмыков с русскими не даст возможности туркам и крымцам вернуть свои позиции в азовском регионе [Тепкеев 2018: 148].

Осенью 1697 г. калмыки участвовали на Кубани в отгоне 3 тыс. лошадей у ногайских едисан. Поэтому неудивительно, что, когда в это время к крымскому калге, находившемуся в Кабарде, прибыли от Аюки калмыцкие посланцы с предложением мира, он их от себя отпустил ни с чем, обвинив лишь в шпионаже. Действительно, после этого Аюка направил в кубанский регион 6-тысячное войско под началом сыновей Гунджаба и Санджаба, которое отогнало у ногайцев 40 тыс. лошадей и взяло в плен около 200 человек. Этим успехом он поделился с царскими властями, заверив их, что не собирается мириться с крымским ханом [Тепкеев 2018: 153].

Однако попытки вступить в мирные переговоры с крымской стороной Аюка все-таки предпринял, но с условием, чтобы Кубанская орда платила ему дань. Крымский хан Селим-Гирей со своей стороны пытался найти пути к примирению с Аюкой через престарелого ногайского мирзу Арсланбека. Из письма дербетского тайши Менке-Темира известно, что к концу 1698 г. Аюка все-таки заключил перемирие с крымским калгой после того, как тот прислал в калмыцкие улусы посланника Каши-мирзу. С калмыцкой стороны на Кубань отправился владелец Яман, сын Мазан-Батыра, который вернулся с мирзой Арсланбеком. Аюка заключил с ним перемирие, и стороны договорились обмениваться пленными и впредь не принимать беглецов [Тепкеев 2018: 158, 159].

Выводы

Политическое сближение калмыков с Крымским ханством в 1680–1690-е гг. имело временный характер и в первую очередь было связано с резким ухудшением русско-калмыцких отношений. В результате калмыки так и не приняли участие в крымских походах В. В. Голицына в 1687 и 1689 гг. В эти

годы крымская дипломатия на калмыцком направлении одержала значительный успех, в полной мере используя для достижения своей цели все существовавшие на тот период противоречия в русско-калмыцких отношениях. Нужно признать, что правительство Софьи Алексеевны так и не сумело в полной мере привлечь калмыков для решения своих внешнеполитических задач, недооценило по-настоящему их военного потенциала.

Политическое сближение калмыков с Крымским ханством сопровождалось взаимовыгодной торговлей скотом и лошадьми. Ни до, ни после калмыцко-крымские торговые отношения не имели столь высоких оборотов.

Частая смена власти в Крыму не способствовала долгосрочному выстраиванию отношений калмыков с крымскими ханами. Все это усугублялось обострением «ногайского вопроса», когда в 1696 г. ногайские едисаны и джембойлуки бежали от калмыков на Кубань, под протекцию крымского хана. Именно с этого времени начинается конфронтация калмыцких владельцев с крымскими властями, которая в конечном итоге привела к вооруженному столкновению.

С приходом к власти Петра Алексеевича в 1689 г. происходит постепенный поворот к укреплению военно-политического союза Российского государства с калмыками. До этого, в период временного управления (регентства) царским правительством Софьи Алексеевны (1682–1689 гг.), русско-калмыцкие отношения переживали наибольший политический кризис. В 1697 г. между боярином Б. А. Голицыным и Аюкой были подписаны «договорные статьи», в результате которого калмыцкая сторона в конце XVII в. окончательно разрывала отношения с Крымом и вступала в русско-турецкую войну на стороне Москвы.

Источники

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Дополнения 1872 — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 12. СПб.: Тип. В. В. Пратц, 1872. 423 с.

Sources

Russian State Archive of Ancient Acts.

Extensions to Historical Acts Collected and Published by Archaeographic Commission. St. Petersburg: V. Pratz, 1872. Vol. 12. 423 p. (In Russ.)

Литература

Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2 книгах. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.

Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Гуськов, Кочегаров, Шамин 2022 — *Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М.* Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М.: Русское слово — учебник, 2022. 528 с.

Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.

Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.

Новолетов 1884 — *Новолетов М. Г.* Калмыки: исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демакова, 1884. 79 с.

- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3–4. Астрахань: Изд. Калм. Обл. Исп. Комитета, 1929. 391 с.
- Смирнов 2005 — *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века: в 2 тт. Т. 1. М.: Рубежи XXI, 2005. 540 с.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 359 с.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Khodarkovsky 1992 — *Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca, London: Cornell University Press, 1992. 278 p.

References

- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Kalmyks in the 17th–18th Centuries: Events, Personalities, Household Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Guskov A. G., Kochegarov K. A., Shamin S. M. Russo-Turkish War of 1686–1700. Moscow: Russkoe Slovo – Uchebnik, 2022. 528 p. (In Russ.)
- Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca, London: Cornell University Press, 1992. 278 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. The Last Great Migration: Resettlement of Kalmyks from Central Asia to East Europe — and Backwards, 17th and 18th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 285 p. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. (comp.) Kalmyk Nomads of Astrakhan Governorate: Historical and Statistical Accounts. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1870. 171 p. (In Russ.)
- Novoletov M. G. Kalmyks: A Historical Essay. St. Petersburg: V. Demakov, 1884. 79 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. Pts 3–4. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1929. 391 p. (In Russ.)
- Smirnov V. D. Crimean Khanate under the Ottoman Porte before the Early 17th Century. In 2 vols. Moscow: Rubezhi XXI, 2005. Vol. 1. 540 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Khan Ayuka and His Era. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 359 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate as Part of Russia: Political Relations Revisited. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)